

Рассказ о молодом человеке с пирожными

За время своего пребывания в Лондоне блистательный принц Богемии Флоризель среди всех слоев общества снискал славу своей скромностью и взвешенной щедростью. Судя по тому, что было о нем известно (а известна была лишь малая часть его деяний), он был замечательным человеком. Невзирая на безмятежность нрава в обычных обстоятельствах и привычку, подобно землепашцу, философски относиться к этому миру, принц Флоризель не был лишен определенного влечения к жизни более авантюрной и эксцентричной, чем та, которая была уготована ему от рождения. Иногда, когда им овладевало тоскливое настроение, когда ни в одном лондонском театре не шло веселых пьес или время года не подходило для тех активных занятий, в которых его высочество не знал себе равных, он призывал своего шталмейстера и наперсника полковника Джеральдина и велел готовиться к вечерней прогулке. Шталмейстер был молодым человеком храброго, если не сказать, отчаянного склада. Подобные приказания всегда вызывали у него ликование, и он тут же убегал собираться. Немалый опыт и разностороннее знакомство с жизнью развили в нем необычайный талант к маскировке. Он мог подделать не только внешность и манеры, но даже голос и чуть ли не мысли человека любого положения в обществе, характера или национальности, благодаря чему ему удавалось отвлекать внимание от принца и проникать вместе с ним в самые неожиданные компании. Официальным властям не сообщалось об их тайных приключениях; невозмутимая храбрость одного и рыцарская преданность и находчивость другого много раз помогали им преодолевать опасности, и со временем они преисполнились полного доверия друг к другу.

И вот как-то раз мартовским вечером колючий снег со льдом загнал их в «Устрицу», кабачок, расположенный в двух шагах от

Лестер-сквер. Полковник Джеральдин был одет и загримирован под пребывающего в стесненных обстоятельствах человека, связанного с прессой, в то время как принц, как обычно, изменил внешность при помощи фальшивых усов и пары густых накладных бровей. Это придавало ему грубоватый вид человека, познавшего превратности судьбы, что, при заложенной в нем от природы внешности, делало его совершенно неузнаваемым. В таком обличье принц и его спутник и засели за бренди с содовой.

Посетителей в кабачке было много, как мужчин, так и женщин, но, невзирая на то что многие из них были не прочь поговорить, при ближайшем знакомстве никто из них не вызвал интереса у наших искателей приключений. Все присутствующие были типичными самыми заурядными представителями лондонского дна. И вот, когда принц заскучал и уже начал позевывать, створки двери разлетелись в стороны, в кабачок вошел молодой человек в сопровождении пары слуг. В руках каждого из слуг был большой, накрытый крышкой поднос с пирожными. Едва они переступили порог, крышки были сняты и молодой человек стал обходить по очереди всех присутствующих, с подчеркнутой учтивостью предлагая каждому эти сладости. Кто-то со смехом принимал его угощение, кто-то твердо или даже резко отказывался, и в последних случаях молодой человек неизменно съедал предлагаемое пирожное, сопровождая это более-менее шуточным комментарием.

Наконец он дошел и до принца Флоризеля.

— Сэр, — с глубочайшим почтением произнес он, кланяясь и одновременно протягивая ему двумя пальцами пирожное. — Не окажете ли честь совершенно постороннему человеку? За качество выпечки я ручаюсь, ибо с пяти часов я съел их уже ровно двадцать семь штук.

— Я привык смотреть не столько на сам подарок, — отвечал принц, — сколько на то, с каким чувством он мне преподносится.

— Чувство, сэр, — молодой человек снова поклонился, — самое издевательское.

— Издевательское? — повторил Флоризель. — И над кем же, позвольте узнать, вы намерены издеваться?

— Я заглянул сюда не для того, чтобы разъяснять свою философию, — ответил молодой человек, — а чтобы раздать эти пирожные. Если я упомяну, что своими действиями выставляю на посмешище себя в не меньшей степени, чем тех, на кого мое издевательство направлено, и полностью осознаю этот факт, надеюсь, ваша щепетильность будет удовлетворена и вы примете угощение. В противном случае мне придется съесть двадцать восьмое пирожное, а мне, признаться, они уже порядком надоели.

— Ваше признание тронуло меня, — молвил принц, — и я готов незамедлительно решить вашу дилемму, но при одном условии. Если я и мой друг съедим по пирожному (к чему ни я, ни он не имеем склонности), вы в качестве благодарности присоединитесь к нам за ужином.

Молодой человек задумался.

— У меня еще осталось несколько дюжин пирожных, — наконец заговорил он, — а посему мне предстоит обойти еще несколько подобных заведений, и лишь после этого я смогу считать свое великое дело законченным. Так что, если вы голодны...

Принц прервал его вежливым жестом.

— Мы с другом составим вам компанию, — сказал он, — поскольку нас очень заинтересовал ваш приятный способ проводить вечера. И теперь, когда мирный договор заключен, позвольте мне подписать его от имени нас двоих.

И с самым изящным образом принц проглотил пирожное.

— Восхитительно.

— Сударь — знаток, — сказал на это молодой человек.

Полковник Джеральдин также отдал должное выпечке, и, поскольку теперь в кабачке уже не осталось никого, кто не принял бы угощения или не отказался бы от него, молодой человек отправился в другое подобное заведение. Двое слуг, которые, судя по их лицам, уже свыклись с нелепостью своего занятия, последовали сразу за ним; замыкали процессию улыбающиеся принц и полковник. В таком порядке компания зашла еще в две закусочные, где произошло примерно то же, что уже было описано: кто-то отказывался, кто-то принимал угощение странствующего хлебосола, и сам молодой человек неизменно съедал каждое не востребовавшее пирожное.

Выйдя из третьего паба, молодой человек подсчитал оставшиеся пирожные. Всего их оказалось девять, три на одном подносе и шесть на другом.

— Господа, — обратился он к двум своим последователям, — я не хочу, чтобы из-за меня вы отложили ужин. Я совершенно уверен, что вы уже проголодались, и просто обязан уделить вам особое внимание. В этот знаменательный для меня день, когда я прощаюсь со своей прошлой безрассудной жизнью глупейшим из всех поступков, когда-либо совершенных мной, я желаю быть великодушным со всеми, кто меня поддерживал. Господа, больше вам ждать не придется. Несмотря на то что здоровье мое и без того уже подорвано прежними излишествами, я, с риском для жизни, устранила затруднительное обстоятельство.

С этими словами он стал забрасывать себе в рот пирожные, пока не проглотил все девять. После этого молодой человек повернулся к слугам и дал им пару соверенов.

— Благодарю вас, — сказал он, — за ваше исключительное терпение.

И он отпустил их, вежливо кивнув каждому. Несколько секунд молодой человек молча глядел на свой бумажник, из которого только что вынул деньги, а потом, рассмеявшись, бросил его на середину улицы и объявил о своей готовности поужинать.

В одном французском ресторане в Сохо, который некоторое время пользовался незаслуженно громкой славой, но начал уже забываться широкой публикой, в отдельном номере на третьем этаже трое компаньонов заказали себе легкий, изысканный ужин. За непринужденным разговором было выпито три или четыре бутылки шампанского. Новый знакомый принца и Джеральдина был весел и держался непринужденно, но смеялся он чуть громче, чем можно было ожидать от человека его воспитания. Руки его сильно дрожали, а голос то и дело неожиданно менял интонацию, что происходило, по всей видимости, без его желания. Когда было покончено с десертом и все трое закурили сигары, принц обратился к необычному собеседнику:

— Я уверен, вы простите мое любопытство, но я наблюдаю за вами, и то, что я успел увидеть, необычайно меня порадовало, но еще больше озадачило. Мне меньше всего хочется показаться

нескромным, но, смею вас уверить, что я и мой друг — люди в высшей степени надежные. У нас достаточно своих секретов, которые мы постоянно доверяем тем, кому не следует. И если, как я предполагаю, ваша история достаточно глупая, с нами вы можете чувствовать себя совершенно свободно, поскольку мы двое — величайшие глупцы во всей Англии. Меня зовут Годалл, Теофилус Годалл; мой друг — майор Альфред Хаммерсмит. По крайней мере, он предпочитает, чтобы его называли именно так. Наша жизнь полностью посвящена поискам экстравагантных приключений, и нет такой экстравагантности, которая не была бы нам интересна.

— Вы мне нравитесь, мистер Годалл, — вежливо ответил молодой человек. — Вы вызываете доверие. И я не имею ничего против вашего друга майора, который, я полагаю, на самом деле переодетый вельможа. Во всяком случае, к армии он не имеет никакого отношения — в этом я полностью уверен.

Полковник улыбнулся, услышав подобную похвалу своему искусству перевоплощения, а молодой человек тем временем продолжил несколько более взволнованным тоном:

— Есть множество причин, почему мне не стоит посвящать вас в свои дела. Возможно, из-за этого я и хочу это сделать. По крайней мере, я вижу, что вам до того хочется узнать историю моей глупости, что я просто не в силах разочаровать вас. Своего имени, в отличие от вас, я не назову. Возраст мой не имеет значения. Мои родители произвели меня на свет в браке, от них я унаследовал весьма неплохой дом, в котором живу до сих пор, и состояние, которое приносит мне триста фунтов годовых. Мне кажется, что от них же мне досталась и страсть к веселому безрассудству, которому я предаюсь с величайшим наслаждением. Я получил хорошее образование. Владею скрипкой почти настолько, что мог бы этим зарабатывать в оркестре какого-нибудь варьете, хотя и не совсем. То же замечание относится к флейте и валторне. В вист я играю достаточно хорошо, чтобы проигрывать в эту ученую игру фунтов сто в год. Моих познаний во французском хватило на то, чтобы в Париже мне удавалось проматывать деньги с не меньшим успехом, чем в Лондоне. Короче говоря, я самый обычный мужчина. В моей жизни было множество самых разных приключений, в том числе дуэль из-за пустяка. Всего два месяца назад я позна-